

героев Поройкова). Писатель стремится сказать многое на малом пространстве прозы. И ему это удастся.

Ксения Бродер.

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЯН. Вечернее чудо. Стихи разных лет. Ереван. «Советакан грох». 1988. 181 стр.

Стихи, вошедшие в «Вечернее чудо», писались на протяжении четверти века. В нихлюдно: тут друзья, недруги, женщины, студенты, коллеги, наконец, просто прохожие — все те, кого Григорьян величает «сограждане мои, согорожане».

Обстоятельность, диктующие поэту стихи, будничны, герои негероичны, отношение к собственной персоне окрашено иронией, интонация подчас шутейна («смягчим повествование юморком») и никогда не надрыжна — стихи между тем пронизаны серьезной мыслью и вопреки внешней непритязательности глубоки: «Если быт испытать пониманьем, бытованье войдет в бытие!» Намерения поэта двойки: с одной стороны, «все снизить, заземлить», чтобы, накрепко повязанный с бытом и обиходом, стих не витал в эмпиреях, с другой — поднять будничную жизнь до уровня судьбы, жребия: «Оттого не смолкает небесная арфа — возвышает, взывает, влечет, что в убогом углу хлопотливая Марфа подметает, стирает, печет».

Когда поэт уверенно стоит на почве реальности, ему дается не только острота зрения, но и точность прозрения. В том числе и социального. Лет двадцать назад ростовчанин Л. Григорьян напечатал в «Литературной Армении» стихотворение, содержавшее однозначную формулу тогдашних — достаточно прикровенных — общественно-политических перемен: «Смещение жизни в сторону зимы». Затяжная эта зима лишь недавно пошла на потепление. Странная все ж таки вещь стихи. Звучат отвлеченно, а на поверку — конкретнее и не сказать. Когда-то Григорьян написал о чужой крови, недобро волнующей упырей всех времен: «Так повелось: сначала душу вынем, а там пускай докажет, что невинен». Теперь, после Сумгаита, это стихотворение внезапно обнажило свою горькую и несомненную злободневность.

«Вечернее чудо» рисует нам облик скромного и улыбочивого ростовчанина, тянущегося к армянским корням и дорожающего российским духовным родством. Но трезвость взгляда неизбежно требует от этого мягкого и уступчивого человека: или — или. Сознвая, что к чему на грешной этой земле, можно приспособиться и подловчиться — примеров тому несть числа, — а можно жестко определить для себя нравственный кодекс, в котором на первое место выходит одиннадцатая заповедь: не предавай! Не предавай, когда изменить принципам уже не считают зазорным, храни внутреннюю обособленность и свободу, лелей и оберегай ее, тверди про себя: «Стыдно, оттого что стадно». Так — у Григорьяна. При этом его готовность не поступаться честью и платить за свой выбор любую цену давно и до конца осмыслена. «Я знаю, — говорит

он, и пауза между соседними строками исполнена убежденности и потому весома, — за что собою заплачу».

Но нельзя же в самом деле жить, поминутно видя перед глазами Голгофу. Что ж, учи студентов латыни, бегай в столовку, пиши письма, принимай в небогатом своем доме друзей... Последнее выделим особо. Друг, дружба — особая у Григорьяна статья. Он безжалостен, когда выставляет себе отметки за то, как жил и что сделал: «В общем, неуды, максимум — тройки». Однако есть на мрачном фоне отдушина, и автор, право слово, не льстит себе, констатируя: «Но по дружеству — твердое пять». У него нет деклараций или проповедей о дружбе, говоря строго, у него нет даже стихов о друзьях, но без этого неизбывного, всюду и во всем разлитого мотива книга разом утратила бы свою одушевленность. Что такое для Григорьяна дружба — об этом маленький и воистину берущий за душу цикл, обращенный к незабвенному Виталию Семину, ближайшему на протяжении десятилетий другу поэта.

Коль скоро зашла речь об отдушниках, упомянем напоследок еще одну — надежду, которой автор никогда, кажется, не терял и которая отозвалась в названии его книги. «Вечернее чудо» не что иное, как встреча с ангелом-хранителем. Если тебе на долю выпали арест отца, оккупация, наветы, травля, смерть друга и еще много чего, а ты и в пору беспросветного безвременья ни единой строкой или жестом не уронил себя, так, может статься, он и впрямь не выдумка, небесный твой страж. Поэт надеется. На то он и поэт.

Георгий Кубатьян.

ИСТОРИКО-АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИС-СЛЕДОВАНИЯ. Выпуск XX. Минувшее, современность, прогнозы. Ответственный редактор А. А. Гурштейн. М. «Наука». 1988. 416 стр.

Вселенная и человек... На этой вековой проблеме сфокусированы статьи, эссе, заметки авторов сборника. Органическая включенность пишущих в предмет исследования придает многим помещенным здесь материалам не только философскую глубину, но и своеобразный, я бы сказал, поэтический аромат.

Вот, к примеру, интереснейшая подборка материалов, посвященных выдающемуся советскому ученому Кириллу Павловичу Флоренскому (1915—1982). Мне приходилось многократно встречаться с К. П. Флоренским на протяжении нескольких последних лет его жизни, и могу засвидетельствовать, что не только удивительной для нашего времени широтой научных интересов (геология, геохимия, биогеохимия, метеоритика, космохимия, планетология, история науки...), но даже внешне он очень походил на своего великого учителя академика В. И. Вернадского. А в особенности — чертами своего характера: мягким, дружелюбным отношением к людям, терпимостью к чужому мнению (чего нам временами теперь так недостает) и, конечно же, безоглядой